

Виталик и Юна

отрывок из дневника воспоминаний

Жизнь богаче фантазии

Эфраим Севела

Мы часто рассуждаем о Времени. Время меняет, сглаживает, стирает, лечит... Да, так считают многие. И для очень-очень многих это происходит именно так. Но... вот ещё одна история. Что называется, картинка из жизни.

Виталик и Юна... Юна и Виталик...

Виталик Линчевский учился у меня в группе. Учился, в общем, одно название. Ходил. Сидел. И... отсутствовал. Я тогда считал это клиническим случаем. Человек сидит на уроке, всегда один. Никому не мешает, но занят явно своими мыслями. Что-то рисует, каких-то чёртиков. Ни на один вопрос ответить не то что не может – даже не пытается. У Виталика – большие, умные, добрые глаза. Рассеянная задумчивость. То есть, явно не дебил. Просто этому отсутствию во время присутствия была причина. У Причины было имя. Её звали Юна...

Юнка и Виталик – мои ровесники. Они учились в одной школе, и Виталик её любил преданно и беззаветно все десять лет и потом... Но в классе они не сидели за одной партой. Юнка не переваривала Виталика. Его вечного нытья и наполненных до краёв слезами глаз, его хлюпанья носом. Это её просто бесило. А Виталик – здоровенный бугай, под два метра ростом, косая сажень в плечах и, как выяснилось, бывший воин-десантник. Но это выяснилось потом, намного позже...

Он повсюду за ней волочился, молча и с опущенной головой. Сначала – по школе, потом – по институту. Потом он ушёл в армию. Еврей-амбал-десантник-меланхолик... Как-то много, слишком много несовместимого совместилось в нём.

Вот. А пока он два года трубил в войсках, Юнка успела выскочить замуж. За Аркашу, который тоже был евреем (это имеет значение, потому что со временем они решили уезжать в Израиль и пришли изучать иврит). Аркаша, в отличие от Виталика, был среднего телосложения, с брюшком, бородатый, слегка картавящий, нос с горбинкой, и к тому же имел собственную фирму. К Виталику относился по-доброму и снисходительно. Какая там ревность! Юнка его не то что близко к себе не подпускала – не переносила его рядом больше пяти минут. Аркаша, однако, пристроил его к себе на фирму - кем-то вроде грузчика и мальчика на побегушках по совместительству. Человека с высшим образованием и, как выяснилось потом, талантливейшего художника. Но, опять же, это выяснилось потом... А пока Виталик был безмерно счастлив – ведь у него была возможность почти ежедневно видеть её.

Он ей постоянно говорил о любви. Аркашу это откровенно смешило (подобные монологи часто происходили и в его присутствии), Юнку – раздражало. И она, в конце концов, грубо затыкала ему рот. Едкой насмешкой. Очередной колкостью. Резким окриком.

Надо ли говорить о том, что, когда Юнка и Аркаша решили уезжать в Израиль, Виталик наострил лыжи туда же. И учить иврит пришли тоже втроём. Учились не в моей группе. Но уже на втором или третьем занятии Виталик так её достал своими признаниями, что она устроила ему разнос прямо в классе. И Виталику пришлось уйти в параллельную группу. Параллельная группа была моей...

С ним можно было говорить либо в пустоту, либо о ней. В пустоту – это когда о чём или о ком угодно, но не о ней. Когда о ней – он с мечтательной радостью рассказывал, какая она замечательная, и на короткое время у него загорались глаза. Потом история повторялась: его глаза опять наполнялись слезами, и он упрямо повторял, что будет с ней всю жизнь...

Я присматривался к Юнке. Обычная. Слегка подуставшая от жизни. И совсем не красавица. С насмешливым колючим взглядом больших шоколадных глаз.

Они с Аркашей по-своему любили Виталика. Так любят недоумка-родственника, который всё-таки – никуда не денешься! – не чужой человек и о котором приходится заботиться.

Однажды я наблюдал картину: Аркаша не пришёл на занятия, а Виталик стоял рядом с Юнкой и ныл: я тебя провожу, я тебя провожу... А она ему: ты, говорит, когда последний раз внимательно в зеркало смотрел? Провожают мужики, а ты... у-у-у, чмо, опять сопли распустил! – Достала салфетку и вытирала ему нос, при этом чуть ли не на цыпочки становясь... А он: я буду сзади идти, тихонько, за десять шагов – ты и не заметишь...

Потом они уехали, втроём. И Виталик ухитрился снять комнату напротив дома, где они поселились, в Рамат-Гане...

Юнка была эпилептиком. Эпилепсия – страшная болезнь, а у неё ещё в тяжёлой форме. Однажды с ней случился приступ на уроке, и это было жутко. Через год после их приезда в Израиль стряслась беда. Она потеряла сознание, прямо на улице. В больнице поставили диагноз: инсульт. Парализовало всю правую сторону.

Аркаша в этой ситуации повёл себя просто. Он ушёл. Оставил её, когда она была в больнице. Отвёз и больше не

появлялся. Пропал бесследно.

Забрал её Виталик.

Юнка, вообще-то, всегда была из тех, кому палец в рот не клади. Может быть, поэтому дар речи вернулся к ней довольно быстро.

- Боже, за что такое наказание?! – были первые её слова. Естественно, она имела в виду внезапно обрушившуюся на неё новую болезнь...

- Нет, - сказал Виталик. – Ты ещё не всё знаешь. Твоя болезнь – это не наказание, это так... У меня для тебя гораздо более ужасное известие. Я теперь всю жизнь буду с тобой. И ты не сможешь меня прогнать. И никуда больше не уйдёшь от меня... Вот твоё наказание!

Он кормил её из ложки, как ребёнка, выносил подышать свежим воздухом, мыл, возил по врачам... Когда к Юнке приехала мама, он ничего из вышеперечисленного ей не доверил.

Я был у них дома, когда Юнка, с помощью Виталика, перемещалась по квартире и могла более или менее внятно разговаривать.

Виталик мне показывал их свадебные фотографии: она – в своей коляске в подвенечном платье, а он – перед ней на коленях во фраке с бабочкой и громадным букетом роз...

А теперь я вас спрашиваю: скажите, ну при чём здесь фантазия? Кто, вообще, может до такого додуматься???

Виталик говорил, что был на консультации у известного сексопатолога, и есть надежда, что когда-нибудь у них появятся дети... Как он отличался от прежнего Виталика, которого я знал там, на курсах иврита! Новый Виталик был сильный, волевой мужчина, знающий, чего он хочет, к чему стремится. Настоящий воин-десантник! А главное – он весь светился счастьем, и с прямо-таки беспредельным обожанием смотрел на свою жену. А Юнка – та тоже не

сводила с него глаз, насмешливо-колючих, почти как тогда, на курсах. Только больше молчала, а её щёки заливал румянец...

Виталика забирали в милу́йм – на переподготовку в армию.

- Встретимся, если доживём! – счастливо смеялся Виталик и долго тряс у двери мою руку...

Мы встретились. Даже раньше – через полторы недели. Только я его увидел, а он меня – нет. Точнее, я не его увидел, а то, что от него осталось...

Февраль 1997 года. Неслыханная трагедия. Два вертолётa израильских ВВС, летя на учения в Южный Ливан, столкнулись в воздухе. В огромном, совершенно свободном воздушном пространстве. На борту были офицеры и милу́ймники – воины запаса. Всего 73 человека. Среди них – Виталик Линчевский...

...Юнки не стало на третий день после его похорон. Говорят, от тоски умерла. Как собака, когда хозяин уходит...

Я хочу сказать... нет, ничего я пока не хочу... Я видел его картины. Она там живая, без «как». А ещё он, оказывается, серьёзно занимался астрономией. Купил огромную подзорную трубу. Звёзды изучал. Что-то писал, делал какие-то расчёты... После того, как укладывал её спать... Может быть, мечтал открыть новую звезду и назвать её именем любимой?..

Вот так. Столько понаписано фантастических романов, детективов, триллеров... А про Виталика и Юну Линчевских почти никто и не знает...

2004